

Истина, контрфактический аргумент и дефляционная теория значения
(Тезисы к семинару «Логика и философия языка» 21 февраля 2012г.)

1. Дефляционные концепции истинности и их связь с теорией значения

Дефляционизм в самом общем виде можно определить как концепцию, согласно которой предикат истинности не добавляет ничего существенного к содержанию того, что признается истинным. Истоки данной концепции можно проследить в работах Г. Фреге, Ф. Рамсея, А. Айера и др. На сегодняшний день дефляционизм представляет собой влиятельное философское направление, из которого вытекают фундаментальные следствия не только для логики и логической семантики, но и для эпистемологии, философии языка, философии науки.

Как пишет один из основных защитников дефляционизма П. Хорвич, «дефляционная теория истины называется так за постулирование того, что требуется гораздо меньшая часть теории истины, чем раньше предполагалось. Она сообщает нам, что определенные традиционно понятые ограничения на то, какой должна быть хорошая теория истины, ошибочны, и что когда они устранены, поиск хорошей теории оказывается простым; так как все, что наша теория должна включать, – это схема эквивалентности» [2, с. 61]:

(E) p истинно тогда и только тогда, когда p

Собственно, ту же идею можно найти еще в работах Г. Фреге:

Когда я утверждаю: «истинно, что морская вода является соленой», я утверждаю то же самое, что и произнося слова «морская вода является соленой». [...] Можно было бы предположить, что слово “истинно” вообще не имеет смысла. Но тогда не имело бы смысла и предложение, в котором “истинно” служит предикатом. Можно только сказать: *слово “истинно” имеет смысл, который ничего не привносит в смысл всего предложения, в котором оно служит предикатом.* [2, с. 375] (курсив мой – В.Г.)

В данной работе будет рассматриваться сентенциальная версия дефляционизма, которая, в отличие от пропозициональной, несет в себе две дополнительные пресуппозиции: (а) о существовании лингвистических сущностей (в данном случае, предложений) и (б) о том, что относительно этих лингвистических сущностей имеют место определенные семантические факты (в частности, что “s” означает s). Соответственно, сентенциальная версия дефляционизма¹, в отличие от пропозициональной, предполагает очень серьезные следствия для теории значения, а именно:

- предикат “истинно” может быть осмысленно применен лишь к тем предложениям, относительно которых у субъекта уже есть понимание того, что они означают;
- для всякого предложения, относительно которого у субъекта есть понимание того, что оно означает, применение к этому предложению предиката “истинно” дает предложение, относительно которого у данного субъекта также будет понимание того, что оно означает;
- утверждение, что предложение является истинным, когнитивно эквивалентно утверждению самого этого предложения.

Концепцию, которая отрицает как минимум последний тезис (то есть признает утверждение об истинности предложения когнитивно более значимыми, чем утверждение самого этого предложения), принято называть *инфляционизмом*. Как отмечает Х. Филд, «Разделение дефляционистских и инфляционистских позиций представляет собой в некотором роде наиболее фундаментальное разделение в рамках теории значения и содержания (хотя, как и большинство фундаментальных разделений в философии, граница между двумя этими взглядами не является абсолютно четкой)» [6, p.252].

2. Контрфактический аргумент против дефляционизма и его критика

В литературе можно встретить довольно большое число аргументов, имеющих своей целью опровержение дефляционизма². Предметом моего анализа будет так называемый “контрфактический аргумент”, который можно найти, например, в книге Ф. Шмитта “Истина: учебник для начинающих” [7]. Шмитт указывает на то, что применение дефляционистской процедуры раскавычивания «делает интуитивно неэквивалентные контрфактические условные предложения эквивалентными и, таким образом, искажает

¹ Для краткости под “сентенциальной версией дефляционизма” я буду в дальнейшем подразумевать “чистый раскавычивающий (дисквотациональный) дефляционизм” в смысле Х. Филда [6], хотя существуют и другие его разновидности.

² Довольно подробный обзор таких возражений можно найти в [6].

условия истинности этих контрфактических условных предложений» [7, р. 132]. В несколько модифицированном виде аргумент Шмитта излагает в своей статье “ Является ли истина денотатом предложения?” [1] П. С. Куслий, предлагая рассмотреть два утверждения:

- (1) Если бы “Марс” означал Луну, то предложение “Марс вращается вокруг Земли” было бы истинным.
- (2) Если бы “Марс” означал Луну, то Марс вращался бы вокруг Земли.

Если (1) является истинным, а (2) ложным, то мы имеем контекст, в котором предикат истинности является содержательным, т.е. дефляционизм неверен. По мнению П. С. Куслия, это «показательная иллюстрация, опровергающая утверждения о якобы бессодержательности предиката “истинно”» [1, с. 70].

Изначально возражение Я. В. Шрамко против данного аргумента состояло в том, что предложение (2) необходимо признать точно таким же истинным, как и (1)³:

Если значение имен релятивизируется относительно того или иного возможного мира, то всякий раз при употреблении этого имени необходимо фиксировать (пусть даже и неявно), какой именно возможный мир при этом имеется в виду. Иначе очень сложно избежать путаницы, когда некоторое имя в antecedенте относится к одному предмету, а в консеквенте – уже совсем к другому. Именно с такой путаницей мы по существу и сталкиваемся в контрфактическом возражении. Эта путаница представляет собой частный случай довольно распространенной логической ошибки подмены термина, когда мы не замечаем, что имеем дело не с одним термином, а с двумя омонимами. [4, с. 92].

На мой взгляд, никакой подмены терминов в контрфактическом аргументе на самом деле не происходит. Чтобы убедиться в этом, обратимся к экспликации сравниваемых

³ Впоследствии, в личной переписке, Ярослав Владиславович уточнил свою точку зрения следующим образом: «Я, вообще говоря, не настаиваю, что (2) обязательно следует признать истинным. Вполне допускаю, что можно предложить такую экспликацию этого предложения, что оно окажется ложным. Но суть моей позиции заключается в том, что тогда - при этой же самой экспликации - мы должны будем признать ложным и (1)! То есть, я настаиваю на эквивалентности этих предложений, каковы бы не были их конкретные значения.»

предложений, которую дает Я. В. Шрамко, и внимательно проанализируем, на чем она основана:

- (1a) Если в мире β слово “Марс” обозначает небесное тело, которое в мире α называется “Луной” (если в мире β небесное тело, которое в мире α называется “Луной”, называется “Марсом”), то предложение “Небесное тело, которое в мире β называется “Марсом” вращается в мире β вокруг Земли” является истинным в мире β .
- (2a) Если в мире β слово “Марс” обозначает небесное тело, которое в мире α называется “Луной” (если в мире β небесное тело, которое в мире α называется “Луной”, называется “Марсом”), то небесное тело, которое в мире β называется “Марсом”, вращается в мире β вокруг Земли.⁴

Автор утверждает:

Совершенно очевидно, что предложения (1a) и (2a)⁵ полностью равнозначны. Более того, учитывая, что предложение “Небесное тело, которое в мире β называется “Марсом”, вращается в мире β вокруг Земли” оказывается истинным в мире β (принимая во внимание задаваемое antecedентом различие между мирами α и β). Таким образом, предложения (1a) и (2a) оба истинны, а поэтому утверждение, что консеквент предложения (2)⁶ якобы является ложным, учитывая предполагаемую истинность его antecedента, следует признать неверным. А значит, неверным оказывается и все контрфактическое возражение против дефляционной концепции истины.

Подмена терминов, считает Я. В. Шрамко, совершается когда в консеквенте предложения (2a) вместо мира β рассматривается какой-то иной мир α :

- (2b) Если в мире β “Марс” обозначает небесное тело, которое в мире α называется “Луной”, то небесное тело, которое в мире α называется “Марсом” вращается в мире α вокруг Земли.

⁴ См. [4, с. 92-93]; нумерация изменена мною для связности изложения – В.Г.

⁵ В оригинале, как уже было отмечено, нумерация другая: (3b) и (4b).

⁶ В оригинале – (4a).

Автор убежден, что (2b) не является допустимой интерпретацией для (2), так как «совершенно очевидно, что решая вопрос об истинности антецедента и консеквента в мире β , необходимо брать в расчет те значения входящих в них терминов, которые эти термины принимают в мире β , а не в мире α » [4, с. 90].

Для обоснования своей позиции Я. В. Шрамко прибегает к двум широко известным концепциям: теории жёстких десигнаторов Крипке и теории контрфактических кондиционалов Столнейкера-Льюиса. Согласно первой, имена собственные (типа “Марс” или “Луна”) обозначают один и тот же объект во всех мирах, где этот объект существует. Согласно второй, предложение типа “если бы А, то В” истинно в мире α , е.т.е. высказывание В истинно в некотором *минимально отличном*⁷ от α мире β , в котором истинно А.

Принимая во внимание, что в основе рассматриваемого аргумента лежит допущение о возможности варьирования денотатов имен собственных, Я. В. Шрамко считает целесообразным трактовать в данном случае имена планет как миро-индексированные дескрипции (“объект, обозначаемые словом ‘Марс’ в мире α ”, “объект, обозначаемые словом ‘Луна’ в мире β ” и т.п.). Подобные лингвистические конструкции по-прежнему являются жёсткими десигнаторами, но жёсткими лишь относительно выбора того или иного мира в качестве “мира референции” (используя терминологию Д. Льюиса)⁸. Однако дальше он, по всей видимости, принимает еще одну дополнительную посылку – а именно, посылку о том, что мир референции и мир истинностной оценки должны обязательно совпадать. Другими словами, в основе интерпретации, предложенной Я. В. Шрамко лежит принцип:

⁷ “Минимальность” отличия Столнейкер понимает следующим образом: гипотетическое положение дел, выражаемое антецедентом, должно быть добавлено к тому множеству положений дел, которое представляет собой действительный мир, после чего в последнее вносятся те (и только те!) изменения, которые необходимы для сохранения его непротиворечивости (не подвергая модификации положение дел, выраженное в антецеденте) – см. [10, p. 102].

⁸ Сам Я. В. Шрамко, очевидно, использует выражение “жёсткий десигнатор” в более сильном смысле, предполагающем независимость денотата не только от “мира оценки”, но и от “мира референции”. Поэтому именам “Марс” и “Луна” (в отличие, скажем, от имени “Земля”) он отказывает в статусе жёстких десигнаторов [4, с. 92]. Однако, как я полагаю, данное терминологическое расхождение не является существенным.

- *Приписывание значений* терминам какого-либо предложения должно осуществляться относительно того же мира, в котором происходит *истинностная оценка* этого предложения.

Однако этот принцип вовсе не является очевидным – более того, в определенных случаях он заведомо проваливается. Например, в предложениях со смешанным приписыванием значений: «“Марс” в мире β означает то же, что “Луна” в мире α ». Здесь одному термину приписано значение относительно мира β , а другому – относительно мира α . В каком же мире можно оценить истинность данного предложения?..

На самом деле, поскольку названия самих миров α и β являются жёсткими десигнаторами, (а следовательно, как уже было отмечено, и все миро-индексированные дескрипции являются жёсткими десигнаторами), предложение «“Марс” в мире β означает то же, что “Луна” в мире α » будет истинным *во всех мирах*, если он истинен хотя бы в одном мире. Другими словами, если мы найдем мир β , в котором “Марс” означает то, что в мире α называется “Луной” (а такой мир обязательно найдется, иначе мы не могли бы вообще осмысленно сослагать значения данных слов), то сказать об этом можно будет в *любом* возможном мире – в том числе, и в α .

Принятие данного тезиса (возможность осмысленно сослагать значения слов в любом мире) ведет нас к использованию для интерпретации контрфактического аргумента уже не общепринятой семантики возможных миров, а двумерной семантики (одним из авторов которой был уже упомянутый Р. Столнейкер – см., напр., [8]), которая позволяет корректным образом рассуждать не только об *онтологических* альтернативах нашему миру, но и о его *семантических* альтернативах.

3. Защита контрфактического аргумента с помощью двумерной семантики

Специфику двумерного подхода удобно иллюстрировать матрицами, в которых одно и то же множество миров представлено одновременно и в верхней горизонтали, и в левой вертикали. Миры в верхней строке (1-е измерение) обычно понимаются как онтологические альтернативы – способы, каким мир мог бы быть, а миры колонке слева (2-е измерение) – как семантические альтернативы, или контексты употребления. Некоторые авторы предпочитают говорить, что левая колонка содержит миры, рассмотренные как актуальные (A), а верхняя строка – миры, рассмотренные как контрфактические (C) (см., напр., [5]). Соответственно, если диагональ рассматривать как особую разновидность интенционала – “первичный интенционал” (A-интенционал), инвариантный в рамках всей модели, – то

горизонтальные строки можно трактовать как производные – “вторичные интенционалы” (С-интенционалы), полученные путем подстановки на место актуального мира его семантических альтернатив.

Рассмотрим, как работает двумерная семантика применительно к контрфактическому аргументу. Приведенная ниже 2D-матрица для термина “Марс”, например, показывает, что этот термин в одном мире означает Марс, в другом – Луну, в третьем – снова Марс. Отметим, что термин “Марс” является здесь жестким десигнатором, т.е. при выборе любого из трех миров в качестве актуального (или “мира референции”), он сохраняет свое значение во всех контрфактических мирах (или “мирах оценки”).

	α	β	γ
α	Марс	Марс	Марс
β	Луна	Луна	Луна
γ	Марс	Марс	Марс

Для простоты примем, что “Земля” означает Землю при выборе любого мира в качестве актуального:

	α	β	γ
α	Земля	Земля	Земля
β	Земля	Земля	Земля
γ	Земля	Земля	Земля

Теперь заполним 2D-матрицу для предложения “Марс вращается вокруг Земли” таким образом, чтобы показать его контингентный характер (в некоторых мирах оно окажется истинным, а в некоторых – ложным).

	α	β	γ
α	0	0	1
β	1	1	0
γ	0	0	1

Важно отметить, что истинность или ложность указанного предложения в любой ячейке оказывается *дважды контингентной*, поскольку она обусловлена сразу двумя

факторами: онтологическими (не зависящими от интерпретации языка) и семантическими (зависящими от неё). Из всех возможных вариантов заполнения последней матрицы я выбрал именно такой, который демонстрирует независимость онтологических и семантических альтернатив друг от друга: теперь, сравнив все три матрицы, легко увидеть, что мир β отличается от мира α интерпретацией термина “Марс”, но не отличается расположением планет (Луна в этих мирах вращается вокруг Земли, а Марс – нет). В то же время, мир γ отличается от мира α расположением планет (вокруг Земли там вращается Марс, а не Луна), но не отличается интерпретацией термина “Марс”.

Возвращаясь к контрфактическому аргументу, мы должны теперь интерпретировать предложение (2) «Если бы “Марс” означал Луну, то Марс вращался бы вокруг Земли» как ложное. Действительно: его антецедент «Если бы “Марс” означал Луну» заставляет нас представить мир, в котором “Марс” действительно означает Луну, и который при этом *минимально* отличен от нашего. Но поскольку смещение орбиты Марса очевидно не входит в число тех отличий, которые неизбежно следуют за изменением значения слова “Марс”, мы должны признать, что в этом отношении тот другой мир от нашего ничем не отличается (по условию минимальности отличия).

В то же время, предложение (1) «Если бы “Марс” означал Луну, то предложение «Марс вращается вокруг Земли» было бы истинным» остается истинным, так как здесь термин “Марс” в консеквенте не употребляется, а упоминается в составе завыченного предложения “Марс вращается вокруг Земли”, и следовательно, изменение значения этого термина входит в объем *минимального отличия*. Нет нужды объяснять, что всё остальное, от чего зависит истинность консеквента (в частности, факт вращения Луны вокруг Земли) в объем минимального отличия не входят.

Таким образом, интерпретация Я. В. Шрамко, якобы разбивающая контрфактический аргумент, основана на слишком сильной посылке о необходимом совпадении “мира референции” и “мира оценки”. Эта посылка не только не следует из теорий Крипке и Столнейкера, на которые он ссылается, но и не вполне согласуется с его собственными методами экспликации данного аргумента. Кроме того, она противоречит одной из базовых интуиций здравого смысла – интуиции о том, что лингвистические и экстралингвистические факторы, привлекаемые в процессе истинностной оценки предложений, не находятся в какой-либо необходимой зависимости друг от друга.

4. Связь семантического и фактуального в процессе истинностной оценки

Впрочем, следует также признать, что вопрос о зависимости/независимости двух измерений 2D-матриц друг от друга вовсе не так прост, как может показаться на первый взгляд. Необходимо иметь в виду, что речь вовсе не идет о “семантических” и “физических” фактах как о двух абсолютно отделенных друг от друга сферах действительности. Важный нюанс, на мой взгляд, заключается в том, что эти две сферы вполне могут композиционно пересекаться – одно и то же положение дел может быть рассмотрено одновременно и как физический факт, и как факт семантики некоторого языка.

Прделаем следующий мысленный эксперимент. Допустим, что я произношу предложение “сейчас в Москве 15:00”. Для установления истинности этого предложения необходимо знать, что в данном случае называется “сейчас”, что называется “Москвой”, и действительно ли в том месте, которое называется Москвой в момент, который называется “сейчас” время 15:00. Допустим, далее, что по правилам нашей языковой игры Москва называется “Москвой” лишь один раз в течение суток – а именно, в 15:00 по московскому времени (в остальное время она называется “Парижем”). Тогда истинность предложения “сейчас в Москве 15:00” зависит от того факта, что сейчас в Москве 15:00 сразу двумя способами: и как от контекста (делающего Москву денотатом имени “Москва”), и как от денотата (если придерживаться денотативной теории предложения и сопоставлять предложениям определенные внеязыковые факты). Но разве “Москва” означала бы *Москву*, если бы в Москве сейчас было, скажем 18:00? И разве в *Москве* было бы 15:00, если бы “Москва” не означала *Москву*?⁹

Можно, конечно, попытаться сказать, что мы имеем дело с двумя разными фактами, один из которых является лингвистическим, а другой – экстралингвистическим. Но это будет означать лишь произвольное удвоение универсума событий, которое никак не поможет решить главную проблему, проблему истины. В самом деле, если мы возьмемся различать “А-как-физический-факт” и “А-как-семантический-факт”, как мы установим, какое из двух “А” является каким, не потеряв при этом связи между ними? А ведь без этой связи, как показывает приведенный выше мысленный эксперимент, не было бы возможным само событие истинности.

⁹ Представьте, что произойдет, если на ваше заявление “В Москве сейчас 15:00” кто-то воскликнет: “Но ведь сейчас в Москве не 15:00!” Воспримете ли вы это как *отрицание вашего тезиса* в рамках общей с собеседником языковой игры, или как *призыв пересмотреть саму языковую игру*? Пожалуй, без дополнительных пояснений придется учитывать оба варианта одновременно, не имея оснований отдать предпочтение какому-то одному из них. Рано или поздно ситуация, конечно, разъяснится – но до тех пор это восклицание будет напоминать кота Шредингера, заключая в себе две противоположные пропозиции.

Что же означает событие истинности? Представляет ли оно собой просто наличие своеобразного отношения между двумя фактами – контекстом и условиями истинности? Скорее, мы должны признать, что именно событие истинности и есть то, что разделяет эти два факта. Но разделяет так, что само это разделение в дальнейшем может быть снято и пересмотрено. Не только истина всегда сбывается в определенном контексте, но и контекст всегда выделяется в рамках определенного события истинности.

Было бы прекрасно, – пишет в этой связи Р. Столнейкер, – если бы мы имели нейтральный язык с внутренним образом детерминированной семантикой – язык, который не требовал бы никаких фактуальных допущений для его интерпретации, но при этом мог бы дать полное описание действительного мира, и всех возможных миров. Было бы прекрасно, если бы существовало чистое эпистемическое пространство, к которому мы имели бы априорный доступ, и с помощью которого могли бы локализовать наши несогласия с тем, как должен выглядеть актуальный мир. Но я не думаю, что все это возможно. Единственный способ, как мы можем описать мир – это использовать материалы, которые актуальный мир предоставляет нам – вещи, свойства и отношения, которые мы в нем находим. (...) Семантические и фактуальные вопросы оказываются переплетены, и в этом заключается проблема. [8, p. 319].

Возвращаясь к теме контрфактического аргумента и того, в какой степени он способен опровергнуть дефляционизм, я хотел бы напоследок остановиться на одном замечании Я. В. Шрамко, которое, как мне кажется, более глубоко характеризует его позицию: «Нельзя согласиться с утверждением Дж. Этчменди о том, что “значение слова ‘снег’ не имеет никакого отношения к цвету снега”.¹⁰ Ведь значением слова “снег” как раз и выступает тот объект, который этим словом обозначается. Не зная значения слова “снег”, мы просто ничего не сможем сказать о снеге – имеет ли он белый цвет или нет.» [4, с. 94]. Данная ремарка показывает, что автор трактует референцию не как внешнее отношение между знаком и обозначаемым, а скорее как осуществление некоего акта – акта употребления, – только внутри которого знак и означаемое разделяются условным образом, сохраняя при этом свою внутреннюю априорную связь.

Действительно, защитники дефляционной концепции истины зачастую предлагают «сдуть» наши ожидания относительно значения – а именно, перестать объяснять значение

¹⁰ Etchemendy J. Tarski on Truth and Logical Consequence // Journal of Symbolic Logic. 1988. 53. P. 64. (Цит. по: [4, с. 94]).

через *отношение* между знаком и означаемым. Это вполне возможно в рамках концепции «значение как употребление», при которой вместо внешнего отношения между «снегом» и снегом мы ссылаемся всего лишь на употребление слова «снег», и не более того. Иначе говоря, последовательный дефляционизм относительно истины требует дефляционизма относительно значения. А последовательный дефляционизм относительно значения радикальным образом снимает вопрос об отношении между термином «снег» и снегом как семантически нерелевантный – «снег» вполне может означать снег без того, чтобы нам приходилось устанавливать какое-либо объективное отношение между ними. Как пишет Пол Хорвич, «Теория значения как употребления на самом деле является дефляционной. Более того, она частично обусловлена дефляционизмом относительно истины; так как <...> лишь с инфляционной точки зрения относительно истины было бы разумно предполагать субстантивный, реляционный анализ значения. Мы подходим, следовательно, к естественному и правдоподобному объединению идей, которое можно было бы назвать «семантическим дефляционизмом» – что истина схватывается самой схемой эквивалентности и что значение слова – это его употребление» [2, с. 61].

Но даже если принять такое решение, в котором связь между значением и обозначаемым оказывается в некотором смысле *априорной*, отсюда еще не следует, что она является (онтологически) *необходимой*. Мы можем отрицать эпистемический разрыв между семантическими и фактуальными вопросами, но отрицать онтологический разрыв между ними было бы слишком смелой и необдуманной идеей.

* * *

Подводя итог, я хотел бы подчеркнуть, что контрфактический аргумент против дефляционной концепции истины вовсе не стоит отбрасывать как курьезное недоразумение. В терминах двумерной семантики он вполне может быть сформулирован корректно и убедительно. Мой анализ демонстрирует, что в этом аргументе нет явных логических ошибок, как предполагал Я. В. Шрамко. В то же время, в процессе экспликации некоторых ключевых понятий (прежде всего, понятия значения) обнаружились определенные трудности. Эти трудности носят, по всей видимости, фундаментальный характер – по крайней мере, они затрагивают столь принципиальные различия, что без их прояснения само деление дефляционизм/инфляционизм оказывается бессмысленным.

На мой взгляд, контрфактический аргумент не столько опровергает дефляционизм, сколько указывает на границы применимости данного подхода. Границы же эти пролегают там, где обе стороны – как защитники, так и противники дефляционизма, – принимают в качестве само собой разумеющегося разделение сфер семантического и фактуального,

которое (разделение) само обусловлено актом истинностной оценки. Это дает нам повод вернуться к вопросу, поставленному еще Готлобом Фреге: «Как же тогда получается, что слово “истинно” (“истинный”), хотя оно и кажется содержательно пустым, оказывается неустранимым? Можно ли совершенно без него обойтись, по крайней мере при обосновании логики, где оно приводит только к путанице? То, что мы не можем этого сделать, заключено в несовершенстве языка. Если бы мы имели более совершенный язык, нам, быть может, вообще не нужна была бы логика, или её можно было бы вычитать из этого языка.» [2, с. 376]

Но в отличие от Фреге, мы не можем ограничиться ссылкой на несовершенство естественно языка как на нечто, подлежащее в конечном счете преодолению. Скорее наоборот, нам необходимо понять это “несовершенство” как сущностную черту всякого языка, и через неё попытаться решить вопрос о содержательности/бессодержательности понятия истины заново – пересмотрев при этом не только ряд связанных с предикатом истинности понятий, но и всю систему отношений между ними.

Литература:

1. *Куслий П. С.* Является ли истина денотатом предложения? // Эпистемология и философия науки. 2010. №1. С. 67-83.
2. *Фреге Г.* Мои основополагающие логические воззрения // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 375-376.
3. *Хорвич П.* На что это похоже – быть дефляционной теорией значения? // *Analytica*, №2, 2008.
4. *Шрамко Я. В.* Предикат истины в контрфактических контекстах: в защиту дефляционизма // Эпистемология и философия науки. 2011. №2. С. 80-96.
5. *Chalmers D.* The Foundations of Two-Dimensional Semantics // Garcia-Carpintero M., Macià J. Two-Dimensional Semantics. Oxford: Clarendon Press, 2006.
6. *Field H.* Deflationist Views of Meaning and Content // *Mind*. 1994. Vol. 103.(411). P. 249-285.
7. *Schmitt F.* Truth: A Primer. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1995. P. 132-136.
8. *Stalnaker R.* Assertion revisited. On the Interpretation of Two-Dimensional Modal Semantics // *Philosophical Studies*, 118. 2004.
9. *Stalnaker R., Baldwin T.* On Considering a Possible World as Actual // *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*, vol. 75. 2001.

10. *Stalnaker R. A Theory of Conditionals // Studies in Logical Theory, American Philosophical Quarterly Monograph Series; N. Rescher (ed.). 1972. № 2. Oxford: Basil Blackwell. P. 98-112.*

Информация об авторе: Горбатов Виктор Викторович, старший преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ, e-mail: vic-gorbatov@yandex.ru.